

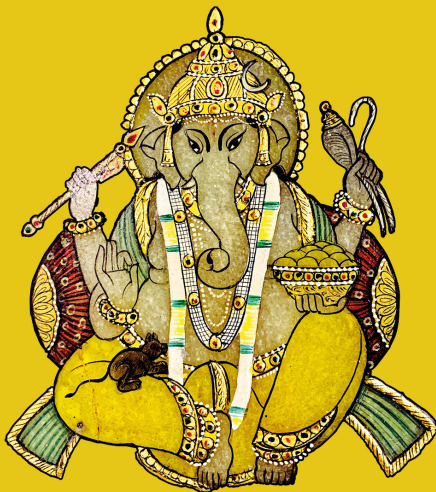
* Н * В * П *

Н О В А Я П О Э З И Я

ЕВГЕНИЙ
Сошкин

НИЩЕНКА
В ДЕЛИ

НОВЫЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

Евгений Павлович Сошкин
Нищенка в Дели
Серия «Новая поэзия (Новое
литературное обозрение)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67804476

Нищенка в Дели / Евгений Сошкин: Новое литературное обозрение;

Москва; 2022

ISBN 978-5-4448-2041-4

Аннотация

Евгений Сошкин широко экспериментирует с повествовательными жанрами, от баллады до нового эпоса и от страшной сказки до «мокьюментари». В его стихах онейрические приключения переплетаются с путевыми набросками, авторские рассуждения и воспоминания звучат наравне с голосами множества персонажей – живых и мертвых, людей и животных, женщин и мужчин, детей и взрослых, предельная серьезность разговора с читателем органично сочетается с ироническим и саркастическим дискурсом, неброские стилевые архаизмы сообщают акустическую глубину злобе дня. Евгений Сошкин родился в 1974 году в Харькове. В Израиле с 1990 года. Защитил диссертацию об О. Мандельштаме (The Hebrew University of Jerusalem, 2014).

Автор стихотворных книг «Лето сурка» (2011), «Из чукотского эпоса» (готовится к печати), монографий «Гипограмматика: Книга о Мандельштаме» (2015), «Bottlenecks: Hypotextual Levels of Meaning in Russian Literary Tradition» (2020), статей по истории, поэтике и теории литературы, соредактор журнала «Солнечное сплетение» (1998–2004), научных сборников «Империя N: Набоков и наследники» (2006), «Генделев: Стихи. Проза. Поэтика. Текстология» (2017) и др. изданий. Преподает в Свободном университете. Живет в Модиине.

Содержание

Бидермайер возвращается нерасколдованным	8
«братец крум а братец крум тормошит за плечо карлуша...»	17
«со мной жила филолог-русист...»	18
«хозяин когда женился...»	19
«выглядело все натурально...»	21
Финляндия	22
Орфей, каким тебя помнят	24
«пыльным ветром отнесло за пределы видимости...»	36
«сам глядя поверх...»	38
«Луций подолгу беседовал с другими ослами...»	39
«отшатнись в ужасе...»	41
«с тех пор как старый герман...»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Евгений Сошкин

Нищенка в Дели

Бидермайер возвращается нерасколдованным

Ощущение колдовства, легкости, «таинственного веселья» остается для меня главным событием, связанным с чтением этой книги. Многие из вошедших в нее стихотворений неизменно поднимают мое настроение. Кажется невозможным не радоваться, читая о суетливом человеке, который, «как хренов поисковик», любит заканчивать за вас каждую фразу, и о товарище льве, рассказывающем заслуженному моржу о своей нубийской невесте.

Одновременно в этих стихах вместе с радостью, праздником – безусловно родственная новоэпической традиции заикленность на фрагментах, постоянные попытки развернуть текст в нечто более, чем трехмерное, раз за разом заканчивающиеся провалом, трагедией («Дерево листву роняет сразу, / Как сервиз»¹).

Десять лет назад, после выхода предыдущей книги Сошкина, «Лето сурка», Данила Давыдов написал в хронике «Воздуха», что язык автора «лишен гебраизмов, представляя собой некоторую дистиллированную форму радикального неомодернизма»², приводя в пример строки «дантовым

¹ «Щ. д.» («Нищенка в Дели»).

² Давыдов Д. [Рец. на «Лето сурка»] // Воздух. Хроника поэтического книго-

серпантином / я веду к живодеру / и свинку / и скарлатину»³ из раннего цикла Сошкина «Скажи шибболет», в котором парадоксальным образом само название оказывалось именно гебраизмом.

В том же цикле обнаруживается на первый взгляд неожиданная перекличка с Николаем Кононовым – «она сплавляла по весне / реке в рукав / лугам навывпас»⁴ (сравним с классическим кононовским «В паху долины спит / Руки река»⁵). Случайно или нет, но по крайней мере сами интонации Кононова и Сошкина оказываются родственны, в том смысле, что акценты в стихотворениях расставляются схожим образом – и здесь мы можем согласиться с тезисом Давыдова о «дистиллированных формах», во всяком случае если иметь в виду ту стадию дистилляции, которую называют «чистая, как слеза».

«Литература не приносит новостей, она актуальное делает вербальным, осмеливается говорить о подразумеваемом, но еще не произнесенном» – говорит Кононов в одном из своих недавних интервью⁶, и это лучшее из всего, что я сам мог бы сказать о стихотворениях Сошкина, – в них сообща-

издания. 2011. № 4. С. 252.

³ Сошкин Е. *Лето сурка*. М.; Иерусалим: Гешарим; Мосты культуры, 2011. С. 26.

⁴ Там же. С. 36.

⁵ Кононов Н. *Пароль*. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 31.

⁶ Кононов Н. Без нарушения границ нет литературы: Интервью журналу Арт-Московия. 2021. 9 июля (artmoskovia.ru/nikolaj-kononov-bez-narusheniya-granits-net-literatury.html).

ются срочные новости о пьяных медведях, катающихся в наших пещерах и ломающих сталагмиты, светящиеся в местах надлома флюоресцентным свечением. И здесь, в стихотворении о медведях, обнаруживается важное отличие поэтики Сошкина от любых других, кажущихся нам родственными: его стихотворения удивительным образом поддаются пересказу, очередному отражению в зеркале, как народные сказки, передаваемые из уст в уста, или как фантастические детские истории. Иногда автор сам вручает нам ключи к своим текстам, – одно из стихотворений называется «Деревенская баллада (Яэль)», где Яэль, конечно, имя не только героини этого стихотворения, спроецированной на библейскую Иаиль, но еще и имя дочери Сошкина. Многие его стихотворения берут начало от рассказов, либо отдельных фраз ребенка – и эти частицы детской речи оказываются щелчком, огнивом из сказки Андерсена, и, наконец, тем огнем, что в ночь идет, и плачет, уходя.

Никто не ждет от огня или от молнии никакой логики и никакой линейности – соответственно, подобно природным явлениям, развиваются и стихотворения Евгения Сошкина. При этом ему чудесным образом удастся легко избегать всяческих «классных штук», «вау-эффектов», излюбленного инструментария наследников советской поэтической школы, на которые, как на гром через секунду после молнии, предсказуемо радостно отреагирует читатель (да, кстати, невозможно отрицать, что некоторая линейность об-

наруживается и в молниях).

Во всяком случае, во время грозы не вспоминают о продолжателях славных традиций громов и молний, о «предшественниках» и о «наследниках». Иными словами, дело, конечно же, не в том, что поэтика Сошкина находится в некоторой нулевой точке и он никому не наследует. Но, находясь в эпицентре не просто шторма, а именно стихийного бедствия, каким представляется нам современный российский «литпроцесс», автору приходится быть самим собой, то есть стоящим у истоков истории Ноем, спасителем старых и создателем новых гармоний и наречий.

* * *

Стихотворения этой книги похожи на фейерверки, готовые взорваться, превратиться в романы и кинофильмы, причем в абсолютно разные для разных читателей или зрителей, – либо, наоборот, свернуться в единственное слово, линию, созвучие, которыми все уже сказано, после которых уже нет необходимости браться за сочинительство («хорошикать уже говорит себе маленькая старьевщица»⁷).

Кажется, что как раз это стихотворение о детях-старьевщиках можно взять за образец, чтобы попробовать разобраться с тем, как устроены тексты «Нищенки в Дели», —

⁷ «детям-старьевщикам принадлежит запруда вещей...» («Нищенка в Дели»).

*детям-старьевщикам принадлежит запруда вещей
нанесенных потоком стиснутых в страшной давке*

Здесь, как и в давнем «Скажи шиболет», есть «реки рука», поток старых вещей, который совершенно естественным для автора образом преобразуется в поток времени. «Дети-старьевщики», соответственно, становятся «стареющими детьми». Перед нами полотно времен Возрождения, пастораль (вспоминается, опять же, «Как у Джорджоне – вид / Издалека»⁸), картина, на которой отчетливо видны мельчайшие детали и где слово «Лета», безусловно, не произносится и не читается, – но исключительно потому, что сказать прямо о ужасе старения прекрасных детей не просто неприятно, но еще и страшно. В надежде забыть о наваждении поток стихотворения делает резкий, полный разворот на 180 градусов – и на свалке появляется предмет, сразу же нарушающий логику и свалки, и реки, и всего стихотворения, – мороженое:

*девочка мальчику передает эскимо
мальчик девочке вытирает уголок рта
на девочку ни с того ни с сего нападает икота*

– и, наконец, следует совершенно симфоническое крещендо последней строки, приведенной нами выше, – девочка уговаривает саму себя остановиться, и сказана эта един-

⁸ Кононов Н. Пароль. С. 31.

ственная фраза настолько прекрасным образом, что читатель уже не может забыть о том, что за река и что за запруда ожидает детей впереди.

Здесь будет уместно вспомнить о Сошкине как филологе, и, в частности, исследователе творчества Анны Горенко. «В качестве поэта Горенко осознавала себя посредующим звеном между живыми и мертвыми», — пишет он в статье «От адамова яблока до Адамова языка»⁹. Кажется очевидным, что горенковской «стихией медиативности» оказываются захвачены как авторы ее круга, так и филологи, работавшие с ее текстами (Сошкин принадлежит к обеим категориям одновременно).

Образ иглы, столь важный в поэтике Горенко, длится в текстах «Нищенки», где уже сама «жизнь горит и без воздуха / пролетает сквозь воду / тянется сквозь иглу»¹⁰.

Горенко располагается в текстах этой книги естественно, как в любимом кресле, которого у нее, вероятнее всего, никогда не было. Она и «Птица пират» в одноименном стихотворении («наутро я бросился / к богу утрат / и он приклонил / слуховой аппарат / но след ее в тучах / простыл уж горячий / той птицы / которую звали пират»¹¹), и безымянная Русалка в «Балладе о смотрителе маяка», и, наконец, обе ни-

⁹ Сошкин Е. От адамова яблока до Адамова языка: территория Анны Горенко // Новое литературное обозрение. 2002. № 5.

¹⁰ «жизнь горит и без воздуха...» («Нищенка в Дели»).

¹¹ «Птица пират» («Нищенка в Дели»).

щенки, и та, которая в Дели, и другая, с харьковского вокзала, увиденная автором в детстве —

*ее совершенно космическая нищета
как большой взрыв творила мириады богов
мы все кто способен это писать и читать
равны перед ней в необъятности нашей славы*¹²

Сравнив эти слова с упомянутой выше статьей Сошкина о Горенко, легко убедиться, что в обоих текстах речь, фактически, идет об одном и том же человеке.

В конце концов эти нищенки, и эта русалка, и птица-пират приводят автора к большим, и уже чисто «шаманским» текстам-заговорам, полностью герметичным и непрозрачным в отрыве от их собственного облака волшебства и мистицизма.

Сошкин как ученый погружен в русскую поэзию XIX и XX веков, но одновременно, на радость читателю (во всяком случае — мне, как читателю) он, как поэт, избегает столь милых сердцу каждого современного филолога тропинок постакмеизма.

Ни Мандельштам, ни Вагинов не слышны в стихотворениях «Нищенки», — и тем большую радость приносят нам редкие затмения, в которые кто-то из них буквально «ощутим физически» (то есть «Шедшая впереди стала падать, /

¹² «Нищенка в Дели» («Нищенка в Дели»).

Но падала странно медленно»¹³ – конечно, родственна тому прохожему, который «обернулся и качнулся», – но только зрительно, а не на уровне звука этих стихотворений). Затмение молниеносно заканчивается, и мы узнаём, что проходящая Сошкина «смахивала на цыпленка с пухом на голове», – что, опять же, направляет на нас солнечный зайчик от прохожего столетней выдержки («Асфальт размяк, нагрело солнце плешь!»).

Проходящая Сошкина «Сразу очухалась и принялась уверять, что с ней все в порядке, полный порядок», – и во всей этой заурядной и страшной истории, в «суетливой поспешности», с какой случайные зрители и автор стихотворения помогают потерявшей сознание, и в ее спутнице («выше ее, вероятно дочь, тоже старая, лысеющая») – во всей этой жалкой и трепетной сцене нет ни тени акмеистического дрожания, никаких величественных профилей, только «затылок египетского образца», которым ударилась об асфальт несчастная. Читатель находится внутри короткой истории, становится ее героем, и, неожиданно, смотрит со стороны не на упавшую прохожую и ее предполагаемую дочь, но на себя самого («Она стала показывать, как она может станцевать, а дочь продолжала плакать»).

В этом коротком тексте, полностью лишенном привычной нам логики, сжат, сконцентрирован совершенно новый вид поэтического высказывания, мгновенно захватывающий ме-

¹³ «Шедшая впереди стала падать...» («Нищенка в Дели»).

ня — уже не как читателя, но как одного из режиссеров крохотной пьесы, — и если бы меня попросили привести пример стихотворения Сошкина, близкого к тому призрачному направлению в современном стихосложении, которое мы называем новым эпосом, — я бы, не сомневаясь, выбрал «Шедшую впереди».

Гул недоговоренности, из раза в раз образующий новую динамику, когда «сон не выдерживает конструкций будущего времени»¹⁴ и все внутреннее устройство стихотворения оборачивается живым существом, для которого «смерть пышна жизнь коротка»¹⁵, а сутки длятся в новом, «керамическом исчислении»¹⁶, длятся вослед за костыльницей, де-вой с водонапорной башни, сообщающей нетвердому пешеходу — «я не принадлежу к людям вашего времени»¹⁷.

Арсений Ровинский

¹⁴ «какие-то непостижимые колкости говорятся во сне...» («Нищенка в Дели»).

¹⁵ «черная как миланский нагрудник...» («Нищенка в Дели»).

¹⁶ «Бидермайер» («Нищенка в Дели»).

¹⁷ «с тех пор как старый герман...» («Нищенка в Дели»).

«братец крум а братец крум тормошит за плечо карлуша...»

братец крум а братец крум тормошит за плечо карлуша
ну чего тебе выходя из задумчивости отзывается крум

трушу я братец не рассказать как трушу
врешь врешь ты еще не вдоволь напуган старый ты врун

но завтра завтра когда солнце вскрытым консервом
потечет по брусчатке через дворики напролом...

полно братец ты уж накаркал в тысяча девятьсот сорок
первом
и в тысяча восемьсот одиннадцатом и в тысяча двести
сороковом...

крум помолчал и ответил прочистив горло
не сочти меня оптимистом я не таков

но что бы там ни говорил теодор адорно
бог пошлет нам туристов и мясных пирожков

«со мной жила филолог-русист...»

со мной жила филолог-русист
говорила у моря с дактилическим ударением
говорила обстирывать ребятишек
потом вдруг
лежа лицом в потолок лесного коттеджа
совершенно не помню бензоколонок у нас в свердловске

куда пропал натуральный
латышский акцент
с которым она так скоро
произносила совершенно не помню

26. XII.21

«ХОЗЯИН КОГДА ЖЕНИЛСЯ...»

хозяин когда женился
вздумал освежиться прямо в чулках
спасите кричал тону
слуги смеялись угодливо
думали барин для потехи изобразил
как наемдни в речке барахтался
да и где это видано
чтоб человеку утонуть в рыбном садке
вот так и утонул взаправду

если спросите обо мне
жить бы мне поживать
хоть до двадцати лет
на мою-то пенсию
что назначил мне добрый король во время прилива
доброты
но я улучил момент
вставил носок ботфорты в приоткрытую
дверь префектуры и в два счета
получил место главного дознавателя
каждый божий день с восьми до пяти
курил крепкий табак
допрашивал фальшивомонетчиков
смутьянов

детоубийц
вырывал признания
то бывало
заявится простуженный субъект
с просьбой о христианском участии
ради старой вражды
то еще бывало заглянет сам
господин префект
справится о здоровье супруги
мягко распорядится пролонгировать пытку
и тут живущая во мне большая белая мышь
проглоченная целиком как прямая улика
встрепенется порозовеет вся от ушек до хвостика
возрадуется всеми своими сорока хромосомами

23. XII.21

«ВЫГЛЯДЕЛО ВСЕ НАТУРАЛЬНО...»

выглядело все натурально
приятель говорил будем здоровы
картошка выпускала пар
муха металась в торшере
вратарь как можно было догадаться проклинал
полужащитника
новое лицо прикуривало от конфорки
звёзды не уступали себе самим в яркости

12. IX.21

Финляндия

мухоморы вдоль всей линии маннергейма повреждены
лосями

ограничитель скорости ветра вообще упал

легконогий подлесок
перебегая мост над шоссе
вдруг начинает маршировать строем в ногу
испытывая ребра моста

выше по склону северного полушария
все в ключьях линиялой шерсти
сосны имеют вид малохольный и отталкивающий

бруснику совсем доконал конъюнктивит

заяц пересекающий открытое пространство
подтягивает задние ноги точно костыльник

видя все это
министр лесного хозяйства
вспоминает как папа брал ее к дровяной реке
смотреть на вечерний красиво подсвеченный лесосплав

древесина ударяясь боками шла как на нерест
уверенно
сосредоточенно
обреченно

министр отталкивается веслом от берега
и гребет вдоль пустующих дач

мелкие серебристые несущества
бегут по воде как табун мустангов
покидая пределы видимости

чудовищная рыбеха распугивает насекомую пастораль

непроглоченную мошкарку подбрасывает над водой
как призрачную модель рыбьего рта
как пламя конфорки

министр быстро озирается по сторонам
выливает в сайму полный термос горячего
демократического кофе
и с чувством произносит любимое папино ругательство

оно удаляется в библиотечной тишине
как нечувствительная к холоду водомерка

Орфей, каким тебя помнят Дифирамб

Голова Орфея

встаньте рыцарка

сеанс прерывается на стоп —
слове

было странно услышать его не от себя

но прощалась она со мной не отводя глаз

прощай покамест

лифт с ее лицом женщины
как-то покадрово проваливался в пустоту

награда витальевна

прощай награда

засвеченные купе стоят у меня перед глазами

пылят фонари в тумане

Ксения

он дочитал
потушил сигарету
в глаза мне посмотрел и сказал

это кирсановщина

и он еще вслух прочел

а у меня там один гад
вроде виллема дефо в диких сердцем
говорил беззащитной сиротке что бояться не надо
потому что у него пипин короткий

прочел
и добавил оччень веско

это
извините китч
то есть
гипертрофия части
при потере целого

и кстати

он прикурил

кирсанов никогда не терял чувства целого

я не выдержала

и бросилась цитировать его самого

а я знала на память все его книги

ночь на объекте

утренний дар

патенты и фантазии

на белесоватых считайте выросла

припомнила ему краткое прилагательное склероз

и надпись на вазе

го тебе надобно старче

и вторую пагинацию в книге жизни

и как черви ходят на чреве

и летучие мыши повисают на вольтовых дугах

и ветер добывает окурки

и в детской за шкапом скрывается платяной

он отложил мундштук

прямая спина

белая сорочка расчерченная подтяжками

взял в руки мое лицо

но я вырвалась и продолжала цитировать

как евгений онегин геенны огненной
не избег

как девица простого сословия разнашивала усы
для гарибальди

как поверили сиамские братья в непорочное зачатие
когда суккуб наградил их триппером

как два молодых инкассатора в чине единорога
погорели на сахарной голове

так и началось наше с ним

как это

грехопарение

дым нам свидетель

Голова Орфея

встаньте рыцарка

теперь вы будете зваться анчар

а отчество осталось ее настоящее

тюркское?

вкрадчивый по краям голос
как будто переливался латексом

стоп-слово слетало с губ
на каждом выдохе

Кира

я кира
та что превратилась
в мадам клюко

вообще надо сказать
любил мизогинничать

в такой несколько водевильной манере

если не брать в расчет ее женские недостатки
человек она в целом никчемный

а то еще напевал за бритьем

и ласков будь с надменной сукой

ставил голову дрессировщика
против слова дантистки
что это лермонтов

лично мне предлагал конверсионную терапию

мы поможем бросить писать

но смотрите
отсюда

из так называемого настоящего
на совсем еще небольшом отдалении
все мы кажемся как бы сросшимися
в чудовищного сиамца

и искусство наше
девайсное
пароксическое
вызывающее теперь неловкость
пожатие плеч
ничего не скажет о наших различиях

допустим до них кому-то есть дело

и все же кто как не мы

подарили вам лестное чувство неловкости

наши патентованные кунштштюки

спелая китайка

паданка с червоточиной на подложенной писчей бумаге

хлопья с медовым покрытием

кешью

миндалем

изюмом

сушеным кокосом

папайей

вся эта просроченная мишура

наша игрушечная собственность

когда-то жалась к нам

пахла нами

заполняла нашу жизнь

нашу

заметьте

частную жизнь

заряжала собой нашу речь

нашу обыденную речь

когда говорят пушкины

муси́ны молчат

и она забавляла

и калечила

и склоняла к сексу

дракон
спускался
к завтраку

это было признание
это был reader response

мы втроем
соприкасаясь челками
склонялись над чем-то
видимым только нам
весело говоря
девочки

пишущих мальчиков он грустно испепелял

заведешь себе щенка эккермана
а он тебе однажды глотку перегрызет

Голова Орфея

встаньте рыцарка

ну же

бегущая тень по лицу водомерка

цвет облетает с акаций как будто залетает в кадр
стелется под колеса прекрасной куркумой

дом похож на прислугу

мы в нем гости

прислуга бесшумно отделяется от стены

горячий хлеб дышит в стойле

наутро куда ни глянь
дочиста обглоданные рога винограда
пересохшие лунки под самый горизонт
шайбы кофейной гущи

ты улыбаешься из последней
любви

Магда

а я была диктофоном
который включался и выключался когда сам пожелает
при мне тебя отпускало

ты рассуждал
рассказывал сны
брюзжал
в общем переставал быть самим собой

стихи как зубы
каждые пару лет начинают сыпаться

чем хуже освещение тем резче приметы возраста
в тусклом зеркале кожа лица кажется старше
почему так

знаешь какое самое страшное произведение искусства
из всех что я видел

нищая старуха на костылях
с низко надвинутым капюшоном
если завести перебирала ногами
неизвестный мастер
англия
xviii век
чистое
золото

снился мне борис пастернак старый-старый
но не по возрасту а скорей по износу тела
так-то он был не намного старше меня
лет на пять
шесть
он как-то так щупло сидел а я находился от него через

его макушка напоминала загривок рослой гиены
оттого что пух на ней стоял дыбом
как бы притягиваемый невидимым куском янтаря
лицо имело такое выражение
как будто на языке был шарик затвердевшей слюны
гомеопатическое драже
и это придавало ему сходство с вуди харельсеном
только у харельсена в глазах притаились черти
а мой пастернак упрямо смотрел в сторону
и бормотал еще не написанное
почти дословно

вместе с нами стареют и наши тексты
когда мы умрем они перестанут стареть
самые ранние выцветли как собственный автограф
самые поздние пребудут вечно юными

представляешь
меня премировали
за счастливое единение каждой девятой
с каждой десятой поэтической строкой
поздравь же меня
во сне ты этого не сделала

кто-то из учеников сократа
рассказал сократу и другим ученикам
что когда орфея предупредили о том
что ему ни в коем случае нельзя оборачиваться

когда пойдет впереди эвридики
прочь из аида
он сразу понял
что не сможет противиться внушению подземных владык
и непременно обернется
поэтому
при молчаливом попустительстве психопомпа
он поспешно обменялся с ней платьем
и пошел позади нее
но эвридика тоже не утерпела и обернулась
и тогда
чтобы скрыть обман
орфей
путаясь в складках пеплоса
убежал во мрак преисподней
а она продолжила путь наверх

7. XI.21

«пыльным ветром отнесло за пределы видимости...»

пыльным ветром отнесло за пределы видимости
примелькавшиеся мысли о смерти, старости
правда никакой даже бодрящий ветер не способен
отвлечь надолго

меня от моих так сказать очагов что здесь и там
поднимают голову
беспокоя меня в обоих смыслах
в смысле досаждая и в смысле тревожа
зудят обещая размножиться
распространиться по всей поверхности моего тела
соединиться в одну сплошную экзему
оборвать мои социальные связи
навязать взамен ужасающие нерасторжимые путы
обесточить мои сексуальные фантазии
высосать мой репродуктивный потенциал

а может меня прибьет каким-нибудь яростным штаммом
к той половине человечества которую вторая половина
будет оплакивать
но опять-таки в этом нет удручающей неотвратимости
всегда осеняющей мысли о смерти, старости

в самом деле

вот положим ты проснешься
или даже толком еще не проснувшись узнаешь
из новостей
что в корзину лекарств накануне добавили нечто
революционное
какой-нибудь панациклин
почему же тогда не какой-нибудь геронтонол
возразишь ты мне
какой-нибудь в конце концов иммортал

4. IX.21

«сам глядя поверх...»

сам глядя поверх
берет губами таблетку
тянется к воде-зажигалке

ты никто
тебя выпишут
а он здесь умрет

2. VI.21

«Луций подолгу беседовал с другими ослиами...»

Луций подолгу беседовал с другими ослиами
в полдень у водопойной колоды
ночью над яслями

рассказывал о богах
о их плотном графике
вольно переводил с латыни
стихи какие помнил
всё больше басни
клялся случайным товарищам
что как только освободится
разыщет их всех
выкупит
поставит в лучшее стойло
задаст клевера
подведет статных кобыл

они ему верили
волновались
переступая с ноги на ногу

он и сам верил своим обещаниям
и не только пока раздавал их

но и некоторое время после того как был расколдован
и если бы не плотный график
нипочем бы не отступился

11. IV.21

«ОТШАТНИСЬ В УЖАСЕ...»

отшатнись в ужасе

утопленное в отражающей полусфере головки ду́ша
состоящей в дальнем родстве с коленом какой-нибудь
женщины-андроида (андро́иды?)

полумое лицо

первопредка

с не моим расплюснутым носом

с выражением какого-нибудь

лица инструктора по управлению гневом

нижние конечности сбегают по кольчатому пищеводу
неслитными струйками

в зрачках

расширенных но колючих

читаются дописьменные

мсли мысли

30. III.21

«с тех пор как старый герман...»

с тех пор как старый герман
стрелялся с молодым германом на барьер
никто не видел местную знаменитость
костыльницу с водонапорной башни

стоит ли удивляться что напор воды
будем говорить откровенно
не соответствует заявленному

болтают правда
что вовсе и не исчезала дева башни
и теперь живет со сторожем насосной станции
он перестал пускать влюбленных за мзду
и выбрасывает окурки в палец длиной

будто бы при сильной грозе
когда всё забивается по своим углам
она костыльничает оставляя глубокие вмятины
в дождевой грязи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.